

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
кафедра истории и мировой политики

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК

И.о. заведующего кафедрой
канд. ист. наук

 Г. Р. Суфиянова

2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

МИР И МИФ ИМПЕРСКОЙ СТОЛИЦЫ: ПЕТЕРБУРГ ПЕТРА I В
ИСТОРИОСОФИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

46.04.01 История

Магистерская программа: Историческая урбанистика

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

Шутов Станислав Викторович

Научный руководитель
канд. ист. наук, доцент

Кулешов Вячеслав Сергеевич

Рецензент
канд. ист. наук,
зав. науч.-ист. архива
СПб Ин-та ист. РАН

Базарова Татьяна Александровна

Тюмень

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОЗДАНИЯ РОМАНА «ПЁТР И АЛЕКСЕЙ»	16
1.1. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО: СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ.....	16
1.2. РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ	23
1.3. ЭСХАТОЛОГИЯ, КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ.....	30
ГЛАВА 2. ИСТОРИОСОФИЯ ПЕТЕРБУРГА: АНАЛИЗ ТЕКСТА РОМАНА «ПЁТР И АЛЕКСЕЙ»	38
2.1. КРУГ ИНТЕРЕСОВ МЕРЕЖКОВСКОГО-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ.....	38
2.2. ПЕТЕРБУРГ В РОМАНЕ «ПЁТР И АЛЕКСЕЙ»	41
2.3. ПЕТЕРБУРГ В ПРОСТРАНСТВЕ СМЫСЛОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА.....	58
ГЛАВА 3. ПЕТЕРБУРГ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ПЕТРА I В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО.....	73
3.1. ЭССЕ ОБ АКРОПОЛЕ: НАДЕЛЕНИЕ ВЕЩИ СУБЪЕКТНОСТЬЮ	74
3.2. ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ	78
3.3. ВЛИЯНИЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	85
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	88

ВВЕДЕНИЕ

В сложные времена общество обращает свой взгляд на великих людей и великие социальные проекты, но по-настоящему актуализировать эти значения может не столько скрупулёзный исследователь, чьи соображения доступны узкому кругу исследователей, но большой художник, который мог бы донести до множества различных людей знание о прошлом и повлиять на отдельных субъектов общественно-политической жизни или культурную повестку своего времени. В такой момент людям интересно узнать образ прошлого, но ещё интереснее увидеть через прошлое настоящее и образ будущего.

Трилогия «Христос и Антихрист» сыграла исключительную роль в становлении русского символизма. Д. С. Мережковский первым соединил универсализм символизма с интересом к истории, таким образом вводя магистральные темы конца века в русской историософии. Третий роман в первой трилогии «Христос и Антихрист» – «Пётр и Алексей» – подвёл итог этой работы на определённом этапе. Различные жанры были для него скорее инструментом для внедрения своих идей. При этом он мог использовать обильно чужие тексты, его стиль, согласно Е. А. Андрущенко, предвосхитил некоторые особенности постмодернистской поэтики.

Несмотря на большое количество исследований о Мережковском, рассматривающих его поэтику, или тщательных текстологических исследований его произведений, на наш взгляд остаются до сих пор проблемы в изучении творчества Мережковского помимо тех, что обозначены объективным отсутствием неких биографических данных, писем, черновиков в следствии побега из России, забвения в СССР. Ряд тем исследованных за последнее время в области изучения Серебряного века, конференции «Круг Мережковских» ИМЛИ РАН, продолжение издания академического собрания сочинений Д. С. Мережковского, подталкивает к тому, чтобы комплексно рассмотреть возможность применения новых сведений о творчестве автора, воспроизводимых

в научной среде. При этом зная особенность творчества Мережковского, стремившегося проникнуть в тайны всемирно-исторического процесса, следовало бы изучить вопрос, что хотел возвестить Мережковский «Граду и миру», какова роль романа «Антихрист. Пётр и Алексей» – последней книги трилогии «Христос и Антихрист», повествующей о грандиозных событиях истории России. Известна интерпретация, согласно которой в трилогии Мережковский шёл к тайне трёх, где: один – «я» – это вызов Богу; два – «ты» – это вызов самому себе или полу, раскалывающему человека; три – «мы» – вызов обществу, последнее испытание перед всемирной монархией антихриста. Изучение этого вопроса общности и стоит рассматривать не только в личностях, но и в отношении города, а именно главного для этого романа города – Петербурга. Вопрос этот возможно изучить и в рамках Исторической урбанистики.

Цель – выявить особенности изображения Петербурга Петра I в творчестве Д. С. Мережковского. В соответствии с целью исследования были поставлены следующие **задачи**:

- обозначить обстоятельства жизни и настроение эпохи, подтолкнувшие Мережковского написать символистский роман о Петербурге;
- проанализировать систему символов и культурно-исторических отсылок в романе «Пётр и Алексей»;
- исследовать взаимосвязь различных «слоёв» романа (философского, политического, литературоведческого, исторического и др.);
- выявить влияние романа «Пётр и Алексей» и его связь с современной автору культурной жизнью имперской столицы.

Объект исследования: репрезентация Петербурга в романе Д. С. Мережковского «Петр и Алексей».

Предмет исследования: историософия Петербурга в контексте художественного творчества Д. С. Мережковского.

Основным **источником** для исследования послужили тексты Мережковского. В первую очередь анализ романа «Пётр и Алексей». Черновые наброски к роману публиковались в альманахе «Северные цветы» (1903), полностью впервые в журнале «Новый путь» (1904); первое отдельное издание в 1905 в издательстве Пирожкова, затем там же в 1906. Также был издан в составе двух собраний сочинений в издательстве Вольфа и Сытина. Последнее издание было, вероятно, наиболее массовым, возможно до 6000 экземпляров [Холиков, 2014b, с. 149, 174–176].

Д. С. Мережковский в русской литературе явился одним из зачинателей историософского романа. События ряда его историософских романов затрагивают историю Санкт-Петербурга. Кроме того, у Мережковского Петербург присутствует практически во всех жанрах: романы (в первую очередь «Пётр и Алексей» и трилогия «Царство Зверя»), поэзия, публицистика, критика, эссеистика, драматургия.

Также важны следы его творческой активности в Петербурге, оставленные в литературных и философских спорах, воспоминаниях современников о нём и письмах. Мережковский посвятил истории России три историософских романа и одну пьесу.

В советское время Мережковский был запрещён, и многие его произведения ушли в небытие, хотя ряд стихотворений сохранились в народной памяти и даже были широко известны. В период перестройки заново издаются его произведения, однако, они не выходят за рамки 4-х томов. В издательстве «Дмитрий Сечин» при участии учёных ИМЛИ РАН и ИРЛИ РАН создаётся полное собрание в 20 томах, однако, это академическое издание, в большей степени рассчитанное на специалистов, поэтому подготовка таких изданий занимает весьма значительное время. Таким образом, полное собрание сочинений в 24-х томах является наиболее важным массивом информации в данном исследовании.

В работе используются традиционные для исторического исследования историко-генетический и историко-сравнительный **методы**.

Критика текста является неотъемлемой частью работы с текстом. Текстологический метод позволяет выделить источники текста, приблизиться к пониманию текста. Кроме того, один из крупнейших исследователей творчества Д. С. Мережковского Е. А. Андрущенко создала труд, позволивший не только высказать некоторые теоретические положения о творчестве писателя, но и ставший потенциально практическим образцом текстологического анализа для научного издания сочинений автора [Андрущенко].

З. Г. Минц рассматривала творчество Мережковского в неомифологическом ключе и доказала успешность этого метода применительно к символистской литературе. Учёный московско-тартуской семиотической школы В. Н. Топоров ввёл в научный дискурс понятие Петербургского текста, в рамках которого мы исследуем творчество писателя в метатекстуальном разрезе.

Историография. Литература о Мережковском довольно обширна, столь же разнообразна, как и его творчество. Ещё до революции творчество Мережковского становится пристальным объектом наблюдения современников, среди которых множество поэтов, писателей, критиков и философов. В целом, если оценивать совокупность литературы о Мережковском, то можно сказать, что довольно интенсивный период изучения его творчества начинается с первых сочинений Мережковского в дореволюционный период, так к моменту издания полного собрания сочинения 1914 года литература о Мережковском насчитывала порядка 500 наименований, однако, большинство из них не носят научный характер.

Несмотря на свою популярность, Мережковский не был избалован любовью критиков, впрочем, как и он сам нередко был автором надменных оценок творчества своих современников. Ещё до написания романа «Пётр и Алексей» вышло множество критических заметок о поэзии и критических статьях

Мережковского. Изначально Мережковский и не мыслил себя как романиста-прозаика.

Ряд литературных критиков и историков литературы с самых первых печатных работ Д. С. Мережковского постарались определить его место в современной ему русской литературе. Поэт и литературный критик К. П. Медведский отметил поэмы Мережковского, порекомендовав в этом направлении и развивать творчество, а также отнёс его более к эпикам, чем лирикам [Медведский, с. 26-42]. Поэмы вызывали у критиков более положительный отклик, нежели лирика Мережковского. Так и литературный критик и историк литературы А. М. Скабичевский, с первых же работ Мережковского в печати недолюбливавший его и взаимно, в своей «Истории новейшей русской литературы» (1891) отводит небольшую заметку творчеству Мережковского. Скабичевского не впечатлили ни лирические, ни эпические произведения Мережковского, но заинтересовала поэма «Вера», отразившая настроения творческой молодёжи 80-х годов [Скабичевский, с. 522-523].

Надо отметить, что и в словаре Брокгауза и Ефрона в статье о Мережковском из поэзии автора, в первую очередь, высоко оценивается поэма «Вера», а также и роман «Отверженный» («Юлиан Отступник»). Неоднозначное впечатление оставила критическая статья «О причинах упадка...», в которой проявилось увлечение автора идеями Ницше. Мережковский и в целом критикуется за «мораль нитчевских "сверхчеловеков"». Критике подверглась и статья о Пушкине за то, что «автор находит в самом национальном русском поэте "флорентийское" настроение» [Венгеров, с. 114]. Статья была написана историком литературы С. А. Венгеровым.

Важной вехой в творчестве Мережковского было издание сборника «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (1897), где Мережковским был заявлен и апробирован метод «субъективной критики». Сборник вызвал множество противоречивых откликов [Мережковский, 2000а, с. 600-700].

Критические замечания посыпались начиная с первой статьи в сборнике об Акрополе, критики недоумевали, как среди великих писателей и поэтов и их великих произведений оказался неживой памятник архитектуры.

Известный литературовед и литературный критик А. Г. Горнфельд считал, что Мережковский наделяет ложным смыслом понятие субъективной критики. С его точки зрения, Мережковский видел в произведениях прошлого объективный смысл, но его раскрытие могло быть передано только субъективно, носителем культуры данного времени. Ведь если найден последний смысл произведения, то оно теряет суггестивность, и оно умирает в восприятии будущего поколения [Там же, с. 605-612]. В издевательской форме А. Г. Горнфельд сравнивает Мережковского с героем анекдота, который видел собор св. Петра с самого дурного места, откуда ничего не видно, да ещё и подбил своего соотечественника смотреть на собор с этого самого места. А. Г. Горнфельд представлял, что такой путник покажет свой дорожный альбом друзьям и внушит, что его субъективное изображение куда лучше передаст внутренний смысл собора, чем многочисленные фотографии и картины, дающие объективную картину [Там же, с. 613-614].

Большой интерес у критиков вызвала и статья о Пушкине в сборнике «Вечные спутники». Стоит учитывать, что прозрения Пушкина про Петербург и Петра были очень ценны для Мережковского, и он не раз сошлётся на них в исторических романах и публицистике. В. Д. Спасович обращает внимание на это эссе, в котором Мережковский видит в Пушкине несостоявшегося мирового гения русской литературы, который смог прожить достаточно, чтобы отметиться во всех жанрах и задать направление русской литературе, но недостаточно, чтобы написать главный труд, всемирно прославивший бы его. Чтобы доказать это положение Мережковский использует записки Смирновой-Россет о Пушкине. В. Д. Спасович считал эти заметки не самым достоверным источником, поскольку в них наслоились подлинные события и легенды. Спасович видит в этом смешение Мережковским Пушкина эпохи александровской, написавшего свои основные

произведения, с Пушкиным николаевской эпохи, что порождает портрет Пушкина с цельным мирозерцанием, которое он просто не успел отразить в своих трудах.

В ежемесячном литературном журнале «Книжки "Недели"» без подписи была помещена статья «Из русских изданий. Два крайних мнения о Пушкине». В них рассматривается, собственно, само эссе Мережковского о Пушкине и подмечается реакция Спасовича, строго разделявшего творчество Пушкина на «Александровское» и «Николаевское», что по мнению автора записки было бы слишком суровым приговором и принижением достоинств Пушкина. Довольно краткий отзыв поэта и публициста Вл. Величко был, в отличие от большинства, сугубо положительным.

Были заметки и критиковавшие Мережковского за индивидуализм [Там же, 688-691]. Характеристика индивидуалиста будет долго находить место в критических статьях о Мережковском.

Таким образом, критика часто отказывала Мережковскому в соответствии заявленной им работы содержанию самой работы. Не многим лучше критики реагировали на романы Мережковского, хотя именно они принесли писателю популярность.

К. Ф. Головин обозначил, что, готовясь к написанию романов о Юлиане и Леонардо, Мережковский вооружился тяжелыми доспехами археологии. Как модерниста Головин сравнивает его с Горьким, совершенно противоположным по стилю писателем. Обоих авторов, по мнению критика, объединяет выполнение заказа общества на романтическую литературу, но один пишет о великих людях, а другой о маленьких, но оба они выдают за шедевр ремесленную подделку [Головин].

Роман «Пётр и Алексей», третий в трилогии «Христос и Антихрист» собрал различные оценки. В целом, большинство критиков отметили, что это произведение оказалось самым неудачным и сложным в трилогии. В «Весах» к книге Мережковского был интерес, однако замечено, что в целом автор не

справляется художественно с грандиозностью замысла. В дневнике фрейлины принцессы Шарлотты автор отзыва видит вплетение чуждых мыслей принцессе. Одновременно нарисованный в воспоминаниях современников образ Петра отражает дарование Мережковского, как критика.

В. П. Буренин считал, что «Пётр и Алексей» наиболее слабая часть трилогии, как со стороны художественной, так и интереса содержания [Д. С. Мережковский: pro et contra, с. 48].

Критик и публицист А. И. Богданович с иронией отмечал, что достоинством первого романа была горячая мистика, второй больше был похож на холодное исследование, а последняя часть уже скорее была холодной мистикой. Богданович считал, что самым неудавшимся персонажем «Петра и Алексея» был «взыскующий града» Тихон, так как для создания подобного образа не хватало опоры в виде многочисленных исторических хроник. Характеры Петра и Алексея очерчены шаблонно, как они обычно изображались под влиянием Н. И. Костомарова, к которому обращался Мережковский и «следовал довольно-таки рабски». Метким открытием Мережковского, с точки зрения Богдановича, стала фигура Феофана Прокоповича, сделавшего духовенство «чиновничьим» сословием. «Без Феофана было бы непонятно многое в наши дни, хотя бы, например, подтверждение пущенной в оборот латинско-русским агентством Череп-Свиридовича сплетни о японском подкупе рабочих...», – писал Богданович [Богданович].

С. А. Венгеров заметил, что Мережковский в своих взглядах не оригинален, но как раз жестокость Петра, в таком художественном виде и рассчитанном на широкую публику ракурсе, была показана впервые, разрушая «прилизанную» историографию [Венгеров].

Позднее Историки А. А. Корнилов, А. А. Кизеветтер, С. П. Мельгунов отказали Мережковскому в исторической достоверности его романов второй трилогии, отметив его вольное отношение к источникам [Минц].

Н. П. Анциферов считал характерной чертой образа Петербурга Д. С. Мережковского археологический интерес к прошлому города, что отразилось в топографических указаниях и их беглом описании, похожим на «зарисовки». По мнению Анциферова они должны были придать городу местный колорит (*couleur locale*) [Анциферов, 1922, С. 167-168].

Д. П. Святополк-Мирский считал первые два романа хорошей литературой для подростков, а начиная с третьего («Петра и Алексея»), по его мнению, закончился лучший период писательской карьеры Мережковского [Мирский].

Н. М. Бахтин, отзываясь на выход книги «Тайна Трёх», заметил, что Мережковский остался тем же самым, только углубился в древность. Бахтин считал, что не нужно выделять идейный остов в творчестве Мережковского, ведь он движется по законам одному только ему известного контрапункта, и всё его обаяние «последних лет» и заключается в только ему свойственном переплетении, скрещивании многообразных мотивов и тенденций [Д. С. Мережковский: *pro et contra*, с. 362-364].

В советский период творчество Мережковского было забыто, причиной тому был отъезд Мережковского и его антибольшевистская деятельность. Также Мережковский скомпрометировал себя в эмигрантской среде лояльностью фашизму в последние годы жизни. Мережковский попадал «контрабандой» в советское литературоведение, начиная с конца 70-х – начала 80-х годов в советском литературоведении чаще появляется имя Мережковского. Существует множество иностранных исследований о Мережковском, однако, наибольшее количество научных работ о Мережковском появилось уже в постперестроечный период [Холиков, 2014а]. Наследие Мережковского рассматривается не только, как предмет литературоведения и филологии, но и философии, истории и других областей гуманитарного знания. Столь широкий спектр тем, конечно, создаёт настоящую неопределённость в области знаний о творческом наследии Мережковского.

А. М. Эткинд посвятил Мережковским раздел в книге «Хлыст» и ряде других публикаций, в которых рассматривает творчество Мережковских (Дмитрия и Зинаиды Гиппиус) и с точки зрения психоанализа [Эткинд]. Эдит Клюс посвятила главу символистам в книге «Ницше в России: Революция морального сознания» [Клюс]. Также стоит отметить работы историка философии Н. К. Бонецкой, в которых она раскрывает особенности метода философской герменевтики Д. С. Мережковского [Бонецкая].

М. Н. Золотонос – автор единственной научной биографии К. С. Мережковского «Отщепенis Серебряного века», вышедшей в серии «Русская потаённая литература» издательства «Ладомир». Работая над биографией, он провёл обширную работу в архивах, опубликовал множество ранее неизданных документов, а также собрал ряд показательных работ К. С. Мережковского в качестве дополнения, предоставив соответствующий научный комментарий. Но надо отметить, что в некоторых местах его выводы не всегда достоверны, о чём замечает Л. С. Клейн в главе о К. С. Мережковском в первом томе «Истории российской археологии». Золотонос иногда дополняет текст исследования «полухудожественными» очерками о том, как К. С. Мережковский, например, охотится за эротическими дагеротипами в Париже, которые он мальчиком увидел в библиотеке своего отца и т. д. Книга была представлена как первая часть научной диалогии о братьях Мережковских, вторая книга о Д. С. Мережковском должна была носить название «Шестой пальчик». Но позднее автор заявлял, что это была мистификация и писать о младшем из братьев Мережковских он вовсе не планировал. Тем не менее, книга эта весьма примечательна т. к. затрагивает ряд важных тем, например, тему дискурса дезурбанизма и отношению к Мережковским в правой и левой политических средах [Золотонос; Клейн].

Ю. П. Волчок в очерке «Урбанисты и дезурбанисты - культурологический эксперимент» замечает, что Д. С. Мережковский и Габриэль Сеайль по-разному именуют населённый пункт, в котором родился Леонардо да Винчи, «селение» и

«место», что выражает отличие во взгляде на город [Волчок].

Н. А. Хренов в книге «Социальная психология искусства» замечает, что Мережковский в предисловии к переводу «Дафниса и Хлои» выделяет здоровую культуру, которая создаётся в согласии с природой, в противовес болезненной культуре больших городов, как во времена Лонга, так и в наше время. Так же в одном из разделов он рассматривает идеи Мережковского через призму типологизации культур, данную Пителимом Сорокиным [Хренов].

К. А. Кумпан работала над изданием поэзии Д. С. Мережковского [Мережковский, 2000с]. К. А. Кумпан в статье «Д. С. Мережковский – ученик третьей гимназии», опубликованной в двух частях в 2021 году, поднимает ранее малоисследованную тему «Мережковского – гимназиста» [Кумпан].

В. Н. Топоров в «Петербургском тексте» отмечал эсхатологические образы в романах Д. С. Мережковского, кроме того, оценивал его переводческую деятельность в рамках аполлинического начала в Петербургском тексте [Топоров].

Согласно филологу и философу К. Г. Исупову в Петербурге «возмужали философы, которые строили не «картины мира» (как московские православные визионеры-софиологи), а мета-мировоззрение (неокантианство; монадология Н. Лосского, историософия Л. Карсавина; богословие культуры Г. Федотова; похищенная у Иоахима Флорского идеология «Третьего Завета» Д. Мережковского...»)» [Метафизика Петербурга].

В современных статьях Е. А. Антонова, А. В. Дехтяренко, К. В. Душенко поднимается тема эсхатологии Мережковского и связанного с ним Петербургского текста [Антонова; Дехтяренко; Душенко].

В. П. Крючков, изучающий прозу Б. А. Пильняка, большое внимание уделяет влиянию Мережковского на произведения Пильняка о Петербурге.

Основным же подходом при изучении творчества Д. С. Мережковского сегодня является интертекстуальный подход в силу чрезвычайной «книжности» этого автора. При этом для грамотного изучения его творчества в этом ракурсе

требуется раскрывать широкий исторический контекст, что приводит к использованию историко-генетического подхода и других методов истории, филологии, и в целом гуманитарных наук.

Мережковский обильно использовал чужие тексты, его стиль, согласно Е. А. Андрущенко, предвосхитил некоторые особенности постмодернистской поэтики [Андрущенко, с. 243]. А. А. Холиков комментируя труд по текстологии Е. А. Андрущенко, высоко оценивает труд Андрущенко, так как в нём удачно совмещены прикладная и теоретическая стороны текстологического метода, но метатекстуальность творчества Мережковского вынесена на периферию, в то время как в творчестве Мережковского она занимает центральную позицию, по его мнению. Для этого А. А. Холиков предлагает обратиться к «макротекстуальному» подходу. В литературоведении отмечено, что Мережковский создаёт намеренную установку на прочтение его произведений в контексте всего его творчества [Холиков, 2014b]. Холиков, исследуя биографию Мережковского, создаёт более широкий контекст, используя историко-генетический и герменевтический методы. Он показывает, как много в его произведениях автобиографического. И это ещё один лишний повод к тому, чтобы изучать восприятие города Мережковским не только на примере его книг о Петербурге.

Стоит отдельно отметить ряд, ставших уже традиционными, конференций «Круг Мережковских», в котором принимаю активное участие сотрудники ИМЛИ РАН, участвующие в создании полного собрания Д. С. Мережковского, а также ряд других учёных в том числе из зарубежных стран. Они занимали и занимают важное место в создании метатекстуального объёма исследований творчества Д. С. Мережковского: А. А. Холиков, Е. А. Андрущенко, Л. Ф. Луцевич, А. А. Гордин, О. В. Хрипункова, Т. Ф. Теперик, Ю. Б. Орлицкий, М. Цимборска-Лебода, Т. И. Дронова, О. А. Блинова, О. А. Коростелёв, А. Дудек, Е. А. Тахо-Годи, А. Д. Савина, Е. В. Глухова и другие.

Джудит Кальб в работе «Третий Рим. Имперские видения, мессианские грезы 1890–1940» пишет, что изначально в «Юлине Отступнике» Мережковский представил идею русского национального предназначения, выраженного в народной вере, в возможности создания Третьего Рима, соединившего Империю и обновлённую Русскую православную церковь, однако, ко времени написании романа «Пётр и Алексей» он разочаровывается в этой идее, главным образом, из-за провала Религиозно-философских собраний (1901-1903). Таким образом идея сакральной власти Третьего Рима сменяется анархической и эсхатологической идеей Третьего завета ко времени написания «Петра и Алексея», где героям романа грезился «Город будущего» [Кальб].

З. Г. Минц написала вступительную статью и снабдила научными комментариями первое академическое издание репринта трилогии «Христос и Антихрист» с издания 1914 года. Характеристики З. Г. Минц творчества Мережковского отличаются точной передачей смысла, который можно увидеть в символистской прозе Мережковского, что позволило в общих чертах обозначить главные смыслы и изменение идей от первого романа к третьему. Помимо большого количества статей, прямо или косвенно исследующих роман «Пётр и Алексей», есть и специальные диссертации, посвящённые проблемам трилогии «Христос и Антихрист» Д. С. Мережковского [Векшина; Михайлова].